

Руслан Штерн

Призма

Руслан Штерн

Призма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28066928

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-12558-2

Аннотация

Героя книги преследуют воспоминания о событиях, которые с ним никогда не происходили. Что это? Память о прошлых жизнях? Нет, – чересчур реальные. Частичная амнезия? Отголоски параллельной реальности? А можем ли мы изменять реальность или хотя бы влиять на нее? Это далеко не все вопросы, которые возникают во время чтения книги «Призма». В ней есть и приключения и преступления, и таинственные события и исторические факты. И даже эзотерика. Скучно не будет, это точно!

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Глава 1. Начало конца.	8
Глава 2. Муравей.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	42

От автора

Когда я закрываю глаза и погружаюсь в сон, ко мне являются тысячи лиц людей, которые давно покинули эту жизнь. Они приходят для того, чтобы поведать свои истории. Поверьте, им есть, что рассказать. Я никогда не признавал эзотерику, всегда был далек от религий и уж тем более считал бессмысленным бредом идеи вроде реинкарнации. Я с сарказмом отвечал людям, повествующим мне о событиях, которым они приписывали мистический характер. Однако после смерти отца, все изменилось: меня стали посещать вещие сны, которым я не мог найти объяснения. Один из таких я однажды поведал сестре. Сон был неприятным, я опушу его подробности, дабы не испугать читателя в начале книги, цель которой вовлечь в череду интересных, фантастических историй разных людей, переплетенных между собой и образующих повесть, включающую в себя жизнь нескольких поколений героев. Хочу заметить, что на следующий же день сон сбылся, причем в мельчайших подробностях. Я не придал этому значения и даже не обратил внимания на столь удивительный факт, но сестра отозвала меня в сторону и с испугом в глазах констатировала, что сон был вещим, что все случилось так, как я и рассказывал ей вчера, сидя в вагоне поезда.

В это трудно поверить, но ко мне во сне всё чаще и чаще

стали приходить люди, и не только те, которых я когда-то знал, но и другие, о которых мне ничего не было известно. Они пугали меня своим присутствием, я боялся ложиться спать, просыпался ночью, читал «Отче наш» и засыпал снова, чтобы опять встретиться с ними...

Так продолжалось недолго, в какой-то момент я переборол свой страх и начал задавать им вопросы. С тех пор все изменилось. Теперь я свободный от страха человек, и знаю немножко больше, чем все остальные. Мне легко жить, я ничего не боюсь в этом мире, и у меня в голове миллионы историй и тайн, пронизанных интригой, мистикой, комедией и драмой, которые так и просят, чтобы я вывел их на свет Божий. Эта книга – только начало. Ну что? Поехали!

Пролог

Воспоминания имеют свойство искажаться. Порой нам кажется, что мы точно помним событие, произошедшее с нами много лет назад, когда воспроизводим в голове яркую картину прошлого. Допустим это так, но нельзя исключать и того, что, возможно, этого с нами не происходило вовсе, или все же происходило, но по истечении времени мы рассматриваем произошедшее иначе, как луч света, входящий под одним углом призмы, а выходящий совсем под другим углом. Вся наша жизнь – это всего лишь цепь случайностей, которые мы восприняли определенным образом и сохранили у себя в голове, присвоив файлу имя и закрепив его, как константу. Все вокруг меняется, перемены оказывают влияние на наш разум и сознание, порой мы не готовы со стопроцентной вероятностью отвечать за адекватное восприятие настоящего, а уж тем более давать четкую оценку минувшим событиям. Быть может, файл, сохраненный в нашей голове, стерся, или умирающие клетки регенерировали и изменили свое строение, что привело к искажению имеющейся информации.

Человек – странное существо: власть его разума безгранична, полет фантазии бесконечен, реальные возможности недооценены. Известны случаи, когда дети шокировали окружающих своими заявлениями о прошлой жизни, выда-

вая при этом реальные факты из жизни человека по имени N, проживавшего в городе S. А что, если наш мир и все, кто его населяет, это звенья одной цепочки? Что, если все мы – это одно целое, и составляем единый организм? Это в силу своей ограниченности человек не может постичь тайны Мироздания и открыть смысл своего существования, который ищет тысячи лет.

Когда мы задаемся вопросом, что было бы, если бы я поступил иначе в той или иной ситуации, есть вероятность, что где-то в параллельной вселенной ситуация повторилась, и ваш двойник также сделал выбор, но другой. Возможно, проснувшись однажды утром, вы вдруг вспомните это событие, но через призму второго «я», и увидите результат «другого» выбора, пусть даже самого незначительного.

Глава 1. Начало конца.

"Единственный смысл жизни человека – это совершенствование своей бессмертной основы. Все другие формы деятельности бессмысленны по своей сути, в связи с неотвратимостью гибели".

Л.Н. Толстой.

Я понял, что уже жил, не знаю на этой Земле или другой, в прошлом или будущем, скорее всего в будущем, но понял точно, что жил.

Первый раз я осознал это осенью 1998 года, когда мне было десять лет. Я родился в глухой деревне и не видел ничего, кроме тайги, деревенских людей и их домашней живности, а про существование внешнего «большого» мира узнавал из старого черно-белого телевизора. Лишь редкие поездки в детские лагеря и районный центр давали мне возможность познакомиться с чем-то новым, необычным и узнать, что есть люди, которые общаются как-то иначе, имеют другие привычки и образ жизни, да и вообще, все у них по-другому. Однажды, в один из самых обычных дней, в моей голове возникло странное воспоминание, которое либо перечеркивало всю мою жизнь, либо наделяло ее каким-то новым, мистическим смыслом. Я с энтузиазмом стал рассказывать о нем родителям, но они всего лишь улыбались мне в ответ

и удивлялись моей чересчур игривой детской фантазии. И только я чувствовал, что это не просто игра воображения, потому что она не могла быть такой реалистичной. Я полностью был уверен в том, что событие, которое вдруг возникло в моей памяти, действительно когда-то со мной произошло, но вот когда... Итак, видение было таким.

Мне три-четыре года. Длинный широкий перрон, вокруг бетон, мрамор и циферблаты. Люди гуляют, не спеша, и даже электропоезд едет чуть слышно и медленно. Двери поезда открыты на момент остановки и движения вдоль перрона. Я по-детски счастлив и непоседлив. Отец заходит в вагон, держа крепко мою руку. Его лица я почему-то не помню, но помню родной и добрый запах, больше ничего. Поймав момент, когда он разжал руку, я выдернул свою и с криком: "Папа, папа, смотри, как я могу!" – начал резко забегать и выбегать из вагона во время его движения. Платформа перрона была вровень с полом вагона, поэтому я без труда повторил свой подвиг несколько раз, пока не объявили о закрытии дверей. Отец нежно и заботливо взял меня за руку и посадил на сиденье. На этом мое воспоминание заканчивается. Конечно же, этого быть не могло, так как я никогда не выезжал дальше своего районного центра в Вологодской области вплоть до совершеннолетия. Но я видел это так ясно, что поверить в то, что это просто фантазия, уже не мог.

Вы спросите, для чего все это, какой смысл в надуманной детской истории, и почему я вспоминаю о ней по проше-

ствии двадцати с лишним лет с момента первого воспоминания? Все очень просто: я лежу посередине перрона главного вокзала Праги с тремя пулями в теле, вокруг меня увеличивается пятно крови, и бегают люди, призывая к помощи на разных языках. Но для меня все это не имеет никакого значения: в этот момент я лежу и смотрю на прибывающий поезд, чертовски напоминающий мне тот самый поезд-призрак, который на протяжении долгих лет, то казался мне игрой воображения, то вселял уверенность, в существование реинкарнации. И именно в этот момент, по цепочке начинает складываться пазл, который ведет меня к объяснению странного воспоминания. Я пытаюсь сконцентрироваться и все проанализировать, но ничего не выходит, мысли путаются, теряется грань между прошлым, настоящим и будущим. Да и пошло оно все к черту, ведь теперь, когда шансы остаться в живых с каждой секундой стремятся к нулю, разве все это может иметь хоть какое-то значение? Конечно же нет! Что может быть важнее секунды осознания смерти для уходящего из жизни человека? Ничего! В это мгновение я верю в то, что она у меня не первая и не последняя, верю в то, что это очередной этап, очередной поворот колеса Сансары. Я – луч света, а смерть – это призма. Она обрывает мою жизнь точно также, как призма преломляет луч света, для которого преломление ещё не конец, ведь он появляется снова, но уже на другой стороне призмы. . . также как я появлюсь на другой стороне – в следующей моей жизни. Теперь я в этом уверен.

Глава 2. Муравей.

Он поступил иначе, чем поступали они – поступил внушительно, непонятно и этим поставил себя выше других, словом, сделал то, чего не прощают. А.С. Грин "Алые паруса"

Муравей тянет свою ношу, что бы ни случилось. Неважно, что происходит вокруг, неважно, куда лежит его путь, он чувствует, куда надо идти. Интуиция, упрямство, труд – он идет вперед, до конца.

Стеклянная пирамида, острые, как бритва, края ее стыков, холодный, мертвый блеск ее прозрачно-зеркальной поверхности. Муравей делает первый шаг – теперь для него другой дороги нет. Вокруг пустота, которая давит своей бесконечностью. Бесконечность пугает, но не муравья. Он скользит по стеклянному треугольнику, переваливается через острые края, калеча свое тело и лапы, но все равно продолжает идти. Но куда? Вокруг пустота и треугольник – больше ничего. Разворачиваться обратно? Нет. Ради чего? Нет смысла в обратном пути, он ведет в никуда. Но все же, куда идет этот чертов муравей? Получается, что тоже в никуда! Обратного пути нет, вокруг пустота и стеклянная пирамида. А может смысла нет вообще ни в чем, ведь он пришел из ниоткуда и идет в никуда, и тут важно только одно – расто-

ание из пункта А в пункт Б, больше ничего. Ведь что такое точки А и Б? Это конец, начало, начало конца, или что это? Мы привыкли обозначать, мы обозначаем всё, и нам нужны итоги, результаты, конечные точки. Пока мы к ним стремимся, что происходит вокруг? Все превращается в пустоту, и ты остаешься один на один со своей целью, торопясь к итогу. Но что дальше? Муравей об этом не думает, он просто идет. Вдруг рядом, совсем близко, показался луч, который попал на одну сторону треугольника, а оказался на другой. После преломления, на другой стороне, луч стал уже не монохромной частицей света, которая вошла в призму, а целой радугой.

В этот момент, после многочисленных испытаний, выпавших на долю муравья во время пути, муравей наконец понял, что вот он – итог, конечная точка! Путь был проделан не зря. Сделав несколько коротких, но быстрых муравьиных шажков, он вступил в луч света, точно зная, что в следующий момент он станет радугой. Но этого не случилось. Луч солнца, проходящий через призму, раскалил точку входа до очень высокой температуры, и муравей сгорел. Он просто тупо сгорел. Что осталось после него? Пустота, бесконечность и призма...

Дзыыыыньььь.

– Что за бред!

С этими словами соскочил с кровати Виктор Михайлович,

пытаясь отключить будильник и прийти в себя.

– Опять этот долбаный муравей! Ну, сколько можно, черт бы его побрал! Ну, сколько можно!

Последнее время его очень беспокоил сон про муравья, который сгорает на стеклянной призме и растворяется в вечности. В нем он видел отражение своей жизни. Всю жизнь он знал, чего от нее хочет, и шел по четкому плану, не отклоняясь от курса. Но внезапная смерть любимой жены в октябре 1988 года, наступившая так неожиданно, что в это было невозможно поверить и трудно смириться, перевернула его внутренний мир навсегда. Прошло почти два года после ее смерти, но он все никак не мог прийти в себя и искал смысл дальнейшего существования. Именно так – существования, а не жизни. Он любил свою жену больше, чем себя, больше, чем кого бы то ни было. Покинув этот мир, она забрала с собой все его светлые мечты и все живое, что было в нем, оставив лишь горечь утраты. Его перестала интересовать работа, не приносили радости прогулки по любимому городу, его бесил весь мир... Но смысл жизни определенно был, и видел он его в двухлетнем сыне, который жил в основном у бабушки, в связи с командировками и постоянными перелетами Виктора. Его жена была сиротой, поэтому бабушка была только одна – его мама.

Маму Виктора Михайловича звали Ирина Сергеевна Толмацкая. Она родилась зимой 1932 года. Работала всю свою

молодость стюардессой в международном аэропорту Риги, затем, когда артрит, возникший вследствие постоянных перегрузок, не позволил больше летать, устроилась по благу секретарем начальника аэродрома Риги и работала на этой должности, пока не вышла на пенсию.

У нее было два сына, Виктор и Анатолий, которых она очень сильно любила. А так как мужа у нее никогда не было, а родителей забрала война, ей приходилось обеспечивать всю семью одной. По этой причине после выхода из декрета виделась с ними не так часто, как хотелось бы. Все детство они были предоставлены самим себе, учились в школе интернате №76 недалеко от дома и виделись с мамой пару раз в неделю в ее выходные.

Когда Виктору исполнилось двенадцать лет и он смог уже самостоятельно присматривать за братом, научился готовить и разумно тратить деньги на продукты, мама забрала их из интерната и без тени сомнения доверила им жить в квартире одним в ее отсутствие. Виктор повзрослел очень рано и рос надежным, серьезным юношей, чего нельзя было сказать о его брате Анатолии – тот был его полной противоположностью. Отца у них не было. Ну, нет, конечно, был – не от Святого же Духа мать их родила, но кто им был и с какого рейса – непонятно. Не то чтобы Ирина Сергеевна была распутной, нет, даже наоборот, она была очень порядочной женщиной. Она считала, что аборт – большой грех и тяжкое преступление, и, несмотря на порицание общества и косые взгляды со-

седей, рожала одна, не в браке, и тянула эту ношу без чьей-либо помощи.

Хрупкая, романтическая натура, она верила всем мужчинам, которые имели чувство вкуса, выглядели достойно и умели красиво ухаживать. В каждом таком мужчине она видела спутника жизни, который подарит ей сказку. Но этого не происходило, такие мужчины оказывались, как правило, либо женатыми, либо "гастролерами", которых после нескольких афер брало в разработку МВД, и участь их была предрешена.

Надо сказать, в молодости Ирина была невероятно красивой женщиной. Она была невысокого роста, имела тонкий стан и была грациозна в каждом своем движении. Ее подтянутое тело излучало красоту и здоровье. Густые, золотистые волосы всегда были красиво уложены. На живом сияющем лице играла искренняя улыбка. Густые, темные ресницы, словно крылья бабочек легко порхали над большими голубыми глазами. Эти глаза, чистые как вода Байкала, притягивали к себе взгляды окружающих своей красотой и безмятежностью, да так, что хотелось остаться в них навсегда. Чуть вздернутый маленький носик в сочетании с немного пухлыми, нежно-алыми губами и слегка выдающимися высокими скулами завершали портрет и позволяли без преувеличения называть ее внешность ангельской. Каждый раз, видя в зеркале свое эффектное отражение, Ирина считала, что ни бортпроводники, ни даже авиаинженеры не были ей парой.

Летчики же, как правило, были либо женаты, либо вступить на тропу брака не хотели. В итоге, старость она встречала одна, без второй половинки. Возникает вопрос, откуда отчество Михайлович? А ей просто нравилось это имя: оно напоминало ей о первой любви и, казалось, что звучит очень брутально. Поэтому в ЗАГсе она зарегистрировала обоих своих сыновей под этим отчеством.

Виктор Михайлович был старшим сыном, родился 15 апреля 1956 года. Он с детства полюбил авиацию, и, бывая у мамы на работе, с интересом рассматривал тумблеры и цифровые табло самолетов, зачастую приставал к бортмеханикам с вопросами: почему летает самолет, как называется та или иная часть воздушного судна... Рос Виктор совсем неприметным мальчиком: худощавым, ростом чуть выше среднего, от постоянного сидения за книгами был сутулым. Обладал европейским типом лица – овальной формы с высоким лбом и средним подбородком. Из-за плохого зрения он часто щурился, особенно в моменты, когда концентрировался, в результате чего, уже в подростковом возрасте, появились морщинки между его широкими дугообразными бровями. Густые, светло-русые волосы всегда были аккуратно пострижены и зачесаны набок, что придавало ему вид юного интеллигента. Единственное, что, пожалуй, выделяло Виктора среди сверстников, это взгляд: в нем удивительно сочетались недюжинный интеллект и даже мудрость, и по-

стоянное детское любопытство. Виктор был педантом, поэтому в его комнате, в принципе, как и во всей квартире, всегда был идеальный порядок, который периодически нарушался братом. Это было поводом для регулярных ссор между подростками, и всегда, вопреки справедливости, восстанавливать порядок приходилось Виктору. Избытком поклонниц он похвастаться не мог, да и времени у него на них не было.

Второй сын, Анатолий, был младше на три года и являлся полной противоположностью Виктору. В отличие от брата-педанта, пользовался популярностью среди сверстников, расположение которых завоевал с детства, благодаря качествам лидера и задиры. Он был среднего роста, коренастый, широкоплечий. Его походка выражала силу и энергию, держался он всегда ровно, чуть выпячивая грудь вперед и приподнимая подбородок. На смуглом лице под прямыми широкими бровями, словно два ярких огня, искрились большие карие глаза. Да, именно искрились, они буквально воспаляли окружающих своей энергией и заражали ею надолго. Черные, как смоль, волосы Анатолия в совокупности с прямым и азартным взглядом и смуглым лицом придавали его внешности какой-то особый, цыганский шарм. Он обладал красивыми, правильными чертами лица и имел прямой нос, высокие скулы, чуть выдающийся вперед подбородок и четко очерченные средней величины губы. Анатолий не знал, куда направить свою энергию и природное обаяние: секции

по единоборствам и другим видам спорта его не привлекали, тяги к знаниям он не испытывал, стремления к искусству не было. Поэтому, несмотря на яркую внешность и харизму, определенных успехов в каком-либо деле не имел и с выбором жизненного пути не торопился, так как найти себя просто-напросто не мог, да и, в принципе, плыть по течению его тоже устраивало.

Виктор окончил школу в шестнадцать лет с золотой медалью, как и планировал, но, к сожалению, не всем его замыслам суждено было сбыться. Плохое зрение было следствием чтения книг по ночам с фонариком под одеялом. Мама ругалась, когда он не ложился вовремя, беспокоясь о его здоровье, и пресекала чтение на кухне до поздней ночи. При этом, сама того не понимая, своими благими намерениями способствовала ухудшению зрения сына. В армию Виктора по здоровью не взяли, и сразу же после окончания школы он поступил в Рижский Краснознаменный Институт инженеров гражданской авиации (РКИИГА) учиться на авиаинженера. Всё детство он грезил карьерой пилота, но дорога к его голубой мечте была закрыта по тем же причинам, что и дорога в армию. В институте он окунулся в знания с головой и дошито изучал все, что давало советское образование, и даже больше. Виктор с усердием запоминал маркировку каждого винтика воздушного судна, умудрялся параллельно вести свои научные работы, а вечерами после учебы собирать модели самолетов времен второй мировой войны, бережно

проклеивая каждую деталь и прокрашивая ее в точности, как у прототипа. В это время младший брат гулял на улице с друзьями, пользуясь всеми благами беззаботных школьных лет. После окончания девятого класса Анатолий и вовсе бросил школу и, не сказав маме и брату ни слова, собрал вещи и уехал в город-порт Клайпеда, где обучался в течение шести месяцев на матроса, подделав заблаговременно дату рождения в документах. Получив необходимые корочки, он отправился бороздить моря на рыболовецком судне. Домой Анатолий отправлял редкие весточки о себе в скудных на сантименты письмах, но стабильно раз в месяц высылал денежные переводы родным. Так как жалование его было довольно высоким, то его хватало как на помощь близким, так и на кутежи. И вообще, он старался брать от жизни всё.

Вернемся к Виктору. На третьем курсе он защитил экстерном диплом, а уже через два года стал кандидатом наук. Все дороги были ему открыты. Его с руками и ногами готовы были принять на работу самые престижные конструкторские бюро и лаборатории Советского Союза. Однако, ни Москва, ни Баку, ни другие крупные города и столицы СССР его не интересовали, он мечтал переехать в столицу Чехословакии – Прагу.

В этом дивном городе он был всего один раз в возрасте двенадцати лет, когда удалось уговорить маму взять его и брата с собой в командировку во время зимних каникул. Прага пленила Виктора своей исторической красотой, в ко-

торой было что-то общее с родной Ригой. Но величие памятников архитектуры Праги, магия самого города и доброжелательность людей, без сомнения, импонировали ему гораздо больше. Великие музыканты, поэты, художники, писатели приезжали в Прагу за вдохновением и оставались ней навсегда. Каждый дом этого чудесного города – это живая история, каждый камень брусчатки может поведать свою легенду, в каждом переулке открывается целый мир историй, биографий и мифов. После первого же дня экскурсий Виктор понял, что это именно тот город, в котором он мечтает жить, что жизнь в нем похожа на книгу сказок, героем которой хочется быть каждый день и не покидать ее страницы никогда. Эта поездка наполнила Виктора вдохновением, и он тогда ясно понял, что после окончания института свою новую жизнь, новую историю он начнет создавать здесь, в столице Чехословакии.

Поэтому на следующий же день после защиты кандидатской, а случилось это 21 июня 1979 года, он позвонил в отдел кадров советско-чехословацкого предприятия и согласовал день собеседования на должность инженера-технолога авиационного концерна. Собеседование Виктор, а ныне Виктор Михайлович в силу его нового социального статуса, прошел без каких-либо проблем. Еще бы, ведь по-другому и быть не могло с его дипломами и рекомендациями! Начальник отдела кадров ознакомился с его документами и статьями в журнале «Гражданская авиация» по предложениям усовершен-

ствования и внедрению новаций в системы регистрации параметров полета. Он пригласил Виктора к себе в кабинет и стал рассказывать о райских условиях работы на предприятии, шестидесятидневном отпуске, окладе и других прелестях. Но все это было неважно: мысленно Виктор уже собирал чемоданы, прощался с мамой и покидал свой родной город, чтобы устремиться навстречу мечте. А мечтал он о воплощении своих технических разработок из формул на листах бумаги в работающие механизмы и системы. И мысленно этот процесс совмещался у него с вечерними прогулками по Праге, завораживающей своей красотой и ненасытной до восторженных вздохов и любовных баллад, посвященных ей.

Ирина Сергеевна переезд сына одобряла: при лаборатории было общежитие, столовая – в общем, жильем и питанием старший сын был обеспечен и ни в чем не нуждался. А вот младший сын... Господи, как у нее болела душа за младшего! Сказать «болела» – ничего не сказать. Внешне она не подавала виду, все время и всем своим поведением демонстрировала окружающим свою беззаботность и беспечность. Но вот сердце ее с каждым днем покрывалось новым рубцом от бесконечных переживаний. Тревожные мысли разъедали мозг, как ржавчина железо, и покоя не было совсем. От всех этих переживаний у Ирины Сергеевны стал развиваться диабет, и начало шалить сердечко. Когда перестал помогать «корвалол», пришлось втайне от Виктора посещать кабинет кардиолога в районной поликлинике. Но все меня-

лось, когда Анатолий приезжал на побывку. Это были редкие, но довольно длительные по времени периоды, которые действовали на нее, как волшебный эликсир: раны рубцевались, а аритмия куда-то исчезала. Сердце матери – это самая хрупкая составляющая ее божественной женской сути. И ни отцам, ни сыновьям не понять этого и не ощутить в себе, ведь только мать может простить своему ребенку всё, начиная от детской шалости и заканчивая... Да все может простить. Без исключения.

Перелет из Риги в Прагу занимал полтора часа и выполнялся самолетом ТУ 154 компании Аэрофлот. В аэропорту Виктора Михайловича встречал молодой лаборант Сергей Степанович Масольдт, который должен был стать его гидом. Это был плотного сложения мужчина 1958 года рождения. Сергей был невысокого роста, широкоплеч и на первый взгляд казался неуклюжим, словно неваляшка. Но такое впечатление было обманчивым, ведь он с детства занимался самбо и являлся мастером спорта. В темно-каштановых волосах, несмотря на ранний возраст, уже проглядывала седина. Под высоким лбом, словно две пуговицы, располагались маленькие серые задумчивые глаза. Под полным, круглым кончиком носа, словно плотные заросли кустарника, росли густые, пышные, аккуратно подстриженные усы, которые в совокупности с тяжелым, хмурым взглядом делали его больше похожим на кагэбэшника, чем на младшего лаборанта. Он скромно стоял в зале ожидания северного

терминала аэропорта, застенчиво переминаясь с ноги на ногу, держа в руке табличку с надписью: «Виктор Михайлович Толмацкий».

После короткого приветствия они отправились на служебном автомобиле в гостиницу, которая находилась в трех минутах езды от терминала и близ железнодорожной станции Прага – Рузине, что было очень удобно для коммуникации с центром города. Поселили Виктора на третьем этаже гостиницы в крыле для персонала с отдельным входом, отдельной столовой и спортзалом. Оставив вещи в номере, они, не мешкая, поехали в отдел кадров для заполнения необходимых договоров и актов, после чего отправились в местную поликлинику для сдачи всевозможных анализов. Сергей Степанович оказался человеком неразговорчивым: Виктору приходилось все из него выпытывать, и в какой-то момент он даже подумал, что чем-то вызвал его неприязнь. Но, как оказалось, это было не так. Сергей был наслышан о незаурядных способностях Виктора Михайловича, получил массу распоряжений от руководства о тактичности поведения по отношению к нему, потому что надежды на будущего суперинженера возлагались немалые. Юный лаборант, случайно попавший в Прагу на это место работы, испытывал смешанное чувство зависти и уважения к Толмацкому, ощущая его умнее и выше себя в профессиональных вопросах. Поэтому он и вел себя так сдержанно, чтобы при первом знакомстве не выглядеть глупо, и еще – с целью лучше узнать, что из себя

представляет человек, под руководством которого предстоит работать. Он выбрал тактику: «Чем меньше говоришь, тем умнее кажешься», но немного перегнул палку, чем вызвал недоумение у будущего руководителя.

После двух недель стажировки, знакомства с предприятием и прочими условностями Виктор Михайлович приступил к работе. Коллектив встретил его радушно, но с настороженностью, ведь каждый новый камень, брошенный в реку, поднимает со дна ил и разводит круги по воде, но со временем все встает на свои места. Хотя в жизни бывает и по-другому. Виктор считал себя общительным человеком, но люди, как таковые, ему были неинтересны: он не стремился заводить друзей, не собирался с коллективом на корпоративных посиделках. Это, несомненно, вызывало у окружающих скрытую негативную реакцию. Проще говоря, коллеги стали считать его инженером от Бога, но человеком «так себе». Ведь люди не любят, когда кто-то возносит себя выше их, а тут, получается, именно так: товарищ ходит на работу, общается с коллегами по поставленным задачам, но зовут его после работы выпить – не пьет, выйти покурить – так не курит, собраться вместе со всеми гульнуть как следует – так ни в какую! Кроме того, не надо забывать, что Толмацкий был иностранцем – чужаком, и его акцент постоянно напоминал об этом. В общем, через год работы, сам того не подозревая, Виктор Михайлович заслужил себе в коллективе репутацию заносчивого, самовлюбленного павлина. Но для руп-

ководства он был настоящим самородком. В короткие сроки разработал более экономичные системы цепей питания глицерады и других авиационных объектов, изобрел новый стенд для проверки работоспособности датчиков и тестирования параметров авиационных пилотажных комплексов и систем. Благодаря такому ценному кадру, премией начальство было обеспечено на пару лет вперед.

С кем действительно нравилось общаться Виктору, так это со своим помощником Масольдтом. Тот оказался на удивление приятным в общении и довольно эрудированным человеком. По работе он был на высоте: с удовольствием изучал новые материалы и вместе со своим руководителем познавал западные новации в области авиационного приборостроения, пытаясь догнать и перегнать иностранные технологии.

У Сергея Степановича было одно увлечение – эзотерика: он искренне верил в различного рода оккультные знания, Бермудский треугольник, дыры во временном пространстве, четвертое измерение... Общение на эти темы было его любимым занятием в свободное время. И что уж совсем непросто для советского лаборанта, увлекался творчеством Карлоса Кастанеды, а одной из любимых художественных книг была только что вышедшая книга чехословацкого автора Йозефа Пушкаша – «Четвертое измерение». Находясь под впечатлением книги, он зачастую пытался вовлечь в беседу на эту тему и Виктора. Вначале он начинал размышлять

о смысле жизни, о ценности духовных начал, о благородстве людей, которые стремятся не утратить в бытовой трясине ощущение четвертого, нравственного, измерения личности. Это измерение позволяет человеку расширить границы своего сознания, освободиться от гнета плоти и обрести сверхвозможности (научиться проходить сквозь стены, телепортации, чтению мыслей...). Затем с размышлений о картине Мироздания и духовных ценностях он переключался на психические отклонения, объясняя их с эзотерической точки зрения. Например, рассуждая о шизофрении, он сводил все к тому, что людям с данным отклонением открылось четвертое измерение. Сетовал на то, что мы, люди с трехмерным восприятием мира, никогда этого не поймем, и для нас они навсегда останутся изгоями, неприспособленными к существованию в цивилизованном мире. Он пытался обосновать свою версию о шизофрениках с даром четырехмерного восприятия мира следующей теорией.

«Человек привык к трем измерениям, существующим во Вселенной: длина, ширина и глубина. Если подключить воображение, то мы можем представить, как выглядели бы предметы во втором или первом измерении. Но представить, как выглядели бы вещи при большем числе измерений почти невозможно. Попробуем представить, как что-то движется в направлении, которое не входит в наше понятие о пространстве. Это просто невозможно, потому что мы ограничены тем, что видим, чувствуем и что находится в рамках наше-

го восприятия. Так в нашем третьем измерении четвертое (время) не обладает визуальными признаками, к нему нельзя притронуться, им нельзя управлять. А что было бы, если б все-таки мы его увидели, если бы мы смогли пройти через его границы, остановить его? Попробуем представить, что у нас появились сверхспособности, и мы можем двигаться в дополнительном направлении кроме вверх-вниз, вперед-назад, вправо-влево. Попробуйте представить, что вы – единственный в мире человек, кто так может. В этом случае для людей в трехмерном мире вы могли бы стать богоподобным (могли бы телепортироваться из одного места в другое; могли бы осуществлять хирургические вмешательства без использования скальпеля и т.д.). Вы спросите, как это возможно? Представьте, что вы – трехмерное существо и взаимодействуете с двухмерной вселенной, как с набором для аппликации на листе бумаги. С точки зрения нашего пространственного измерения, мы могли бы перевернуть двухмерный объект, поменять местами лево и право, забрать его из его вселенной и поместить куда-то еще.

И если бы мы сами, трехмерные существа, решили попасть в их двумерную вселенную, мы выглядели бы странно, поскольку местные жители могли бы видеть лишь двухмерные нарезки в отдельно взятый момент. Для них ситуация складывалась бы следующим образом: сначала мы появились бы в виде двух отпечатков ног, потом переросли в два круга. По мере нашего «снижения» в их вселенную кру-

ги росли бы, пока не соединились в овал. Затем рядом с ними появились бы другие кружочки (пальцы), переросли бы в два больших круга (кисти, руки) и т.д. А что, если мы живем в четырех-, пяти-, шестимерном мире, но в силу своей ущербности не можем это воспринимать? Те, кто все-таки смог, потеряли рассудок, увидев что-то большее, чем то, что происходит вокруг нас: привидений, ангелов, бесов...» Виктор Михайлович относился к данным суждениям скептически, но глупым Сергея не считал, списывая странные и иногда пугающие суждения на юношеский максимализм и наивность.

Все шло своим чередом, и вот спустя три года работы, в 1982 году, Толмацкий был утвержден ведущим инженером предприятия и руководителем Лаборатории авиационного технического обслуживания. Со вступлением на должность недоброжелателей у инженера-выскочки только прибавилось. Естественно, многие техники, лаборанты, инженеры, работающие на предприятии, уже долгие годы мечтали о сдвиге в карьере, шанс на который, как правило, появлялся крайне редко. Так, инженер в авиационной организации может при поступлении на работу быть утвержден в качестве авиационного техника и проработать лет десять, пока что-то изменится. Впрочем, Виктор не замечал шушуканий, не обращал внимания на глупые доносы вышестоящему руководству по поводу своей персоны. Несмотря на то,

что были и те люди, которые хотели ему угодить и выбирали метод доносов на тех, кто в свою очередь доносил на него, Толмацкий никаких санкций по отношению к своим недоброжелателям не вводил. А так как на сплетни он внимания не обращал, тем самым, по мнению мнимых доброжелателей опять-таки демонстрируя свое «тщеславие», то он делал и из них врагов. Жизнь – штука совсем не идеальная, и порой люди с чистыми помыслами, одержимые благой идеей, летящие вперед к ее осуществлению на крыльях самоотречения и приносящие себя в жертву для улучшения качества жизни людей, бьются головой о шлагбаумы, расставленные обществом. Для чего это делает общество? Все просто: homo sapiens, он sapiens только тогда, когда является отдельно взятым индивидом. А если он в толпе, в которой имеется своя иерархия, то ни о каком разуме не может быть и речи. Коллега, обладающий какими-либо выдающимися способностями, которые приводят его быстрому карьерному росту, даже несмотря на свои высокие и чистые намеренья, будет воспринят верхами, как угроза, а низами, как объект зависти и лицемерия. В самоотречение Виктора Михайловича, естественно, никто не верил: все только гадали, что у него на уме, и считали, что он лицемер, прикрывающийся пунктуальностью и альтруизмом ради продвижения по головам и выслуги перед руководством. Все эти мелочи обходили его стороной, ведь у него приоритеты в первую очередь были расставлены в пользу работы, а всё, что происходило вокруг, его не

интересовало. Был даже момент, когда он, подходя к гостинице, заметил напротив входа странных людей в штатском, наблюдающих за ним, сидя в синей Шкоде. Зайдя в номер, он обнаружил там чуть сдвинутые вещи и пропажу нескольких книг и журналов, но никоим образом не стал привязывать данные обстоятельства к завистникам на работе. Виктор Михайлович считал, что в таком огромном организме, как Советский Союз, невозможно без дополнительных мер безопасности. А так как был он человеком, владеющим государственными тайнами и секретами, то рассматривал это событие, как необходимую закономерность.

1982-й год был для Толмацкого насыщен событиями и переменами. У мамы был юбилей, ей исполнилось 50 лет, и она, шумно отметив такое грандиозное событие, со спокойной душой отправилась на пенсию. Теперь Ирина Сергеевна чаще стала навещать сыновей и, как мечтала всю жизнь, начала путешествовать. За сыновей она была спокойна, старший продвигал науку на всех фронтах и выступал на самых серьезных конференциях по всему Советскому Союзу и за рубежом. Младший же женился и порвал с опасной и разгульной, но яркой и веселой жизнью матроса рыболовецкого судна.

Анатолий, несмотря на довольно-таки молодой возраст, двадцать три года, женился по собственному желанию на девушке с красивым именем Аленушка двумя годами старше

его. Алена была милой, скромной девушкой, обладающей славянской внешностью: густыми русыми волосами, светлой кожей, круглым лицом, серыми глазами и прямым аккуратным носом. Он переехал жить к ней в Белгород, который стал точкой отсчета в их скитаниях по бескрайним просторам СССР в поисках своего места в жизни.

В этом же году Виктору Михайловичу пришлось расстаться с единственным другом. Его помощник Сергей Степанович Масольдт, который все три года шел с ним рука об руку, вдруг решил перейти в военную авиацию, сославшись на то, что хочет повидать мир. На тот момент это было действительно реально: техники, инженеры – любой летный состав кочевал по самым разным закоулкам великой державы и за ее пределами. За год работы можно было побывать в любой точке земного шара от Кубы до Дальнего Востока, от Северной Кореи до Камчатки, от Афганистана до архипелага Новая Земля. Прощание было коротким. Пожелав друг другу успехов и крепко пожав руки, Виктор и Сергей сказали чуть ли не хором что-то вроде: «Ну, может, свидимся». На этом они разошлись и, естественно, их жизненные пути больше никогда не пересекались. Можно, конечно, возмутиться и сказать: «Как же так?.. Ведь люди три года работали вместе, чему-то учились, помогали друг другу, дружили... А тут просто так сказали: «Ну, может, свидимся» – и все?» Можно рассуждать на тему истинных друзей и товарищей, пуститься в философию, поэзию, вспомнить стихи и песни о

дружбе... Но Виктор Михайлович подходил к таким вещам со своей философией. Он даже не стал уговаривать Сергея остаться, суля ему повышение, привилегии и более частые командировки (учитывая, что тот хотел путешествовать). По его мнению, время подталкивает человека к определенным действиям, переменам в жизни, будь то стабильная семейная жизнь, или скитание по земле в поисках чего-то нового. Когда человек уходит в свое будущее настоящее, оставив позади прошлое, он открывает новый лист, и этот лист начинает заполнять. Ибо каждый человек – автор своей судьбы. А грустить по прошлому, или сожалеть о нем – бессмысленно. Ведь всегда можно перевернуть страницы в памяти и вытащить из них то, о чем ты действительно хочешь вспомнить. Поэтому к расставанию с другом он отнесся философски – без грусти и кома в горле, просто с улыбкой на лице и искренним желанием действительно когда-либо встретиться.

А еще в этом году произошло самое главное событие в жизни Толмацкого. На очередной конференции в рамках международного сотрудничества по развитию гражданской авиации, которая проходила в Варшаве в августе того же года, Виктор встретил ЕЁ... Молодая переводчица – хрупкая, невысокого роста, с маленьким круглым лицом, на котором сияла нежная улыбка. Его сознание заполнили ее темно-рыжие волосы, которые были аккуратно подобраны вверх и связаны в узел. Он хотел прикоснуться к ним, поднести их к своему лицу и, вдохнув их запах, оставить его в себе и не ды-

шать. Под низким лбом черными дугами прорисовывались изящные брови. Низкие скулы, слегка вздернутый носик и тонкие губы подчеркивали ее утонченность. Ее большие голубые глаза заставили его забыть обо всем, что происходило в данный момент. Если бы Виктора попросили тогда назвать свое имя, он бы не смог: перебрав в голове сотни имен, он так бы и не вспомнил свое. Из ЕЁ уст он готов был слушать слова на любом языке: родном польском (хотя не любил его, а мама сравнивала этот язык с шипением змей), ломаном русском, идеальном английском с небольшим польским акцентом, да хоть иврит, но именно из ЕЁ уст. Вечно. Единственное, что он успел узнать о ней в момент первой встречи, это фамилию и имя, прочитав их на ее бейджике: Брыльска Божена. Для Виктора это сочетание звучало как «Великая Божья Слава». Когда Божена почувствовала его пристальный взгляд, который смотрел куда-то глубоко внутрь нее, прямо в душу, не излучая ни капли пошлости, она открыто ответила на него. От смущения Виктор покраснел и ссутулился, вызвав у нее милую улыбку.

– Тут немного душно, – нежно произнесло это божественное создание. – Вот, выпейте, пожалуйста. Сейчас я попрошу секретаря увеличить мощность кондиционера.

И, дождавшись пока ошеломленный и сконфуженный Виктор Михайлович все-таки возьмет стакан в руку, развернулась и отправилась к секретарю.

– Спасибо! – выкрикнул вслед Виктор, не понимая, что с

ним происходит, но чувствуя, что эта женщина – его Судьба. Она пробудила в нем настоящего его. Она пробудила в нем глубинные чувства счастья, радости, покоя. Любви. В этот момент Виктор понял: если не она, то больше никто.

В тот же вечер, гуляя с Боженой по Замковой Площади Варшавы в Старом городе, напоминающей своими замками, соборами, узкими улочками любимый и уже родной город Прагу, Виктор старался произвести впечатление на юную переводчицу. Он с мальчишеским рвением рассказывал об инновационных прорывах в области электроники. Периодически он переключался и переходил на рассуждения о красоте ее родного города, об уютных кафе, оформленных в старых добрых европейских традициях. Зачем-то рассказывал историю Королевского Дворца, уничтоженного фашистами и постепенно отреставрированного волонтерами. Рассуждал о красоте Собора Святого Иоанна Крестителя, построенного в нетипичном для Варшавы готическом стиле. Уточнял, что этот собор является объектом Юнеско. Он говорил... Впрочем, он сам не отдавал себе отчет, о чем говорит. Ему просто хотелось быть интересным Ей и продлить как можно дольше, любой ценой этот волшебный вечер...

Божена слушала его, не перебивая. Она смотрела в его глубокие темно-зеленые глаза, погружаясь в них, как в омут, и едва ли улавливала смысл того, что пытался донести до нее Виктор. Ее поражало в нем всё: доброе лицо, наивный смех, искренность, с которой он пытался удивить ее. Ее, корен-

ную варшавянку, удивить историями о достопримечательностях родного города и реставрации памятников архитектуры, в которых она принимала непосредственное участие с двенадцати лет! Он был первым человеком, наслаждавшимся именно ее присутствием, и этого ему было абсолютно достаточно. Она видела, как с детским трепетом он пытался растянуть их прогулку, пусть даже дурацкими разговорами, но ради одного – чтобы видеть ее рядом с собой и наслаждаться ее близостью. Ухажеров у юной красавицы было много, ее яркая внешность притягивала к себе мужчин разных социальных слоев. А в силу того, что профессия переводчика на тот момент была довольно редкой, а хорошего – днем с огнем не найдешь, она крутилась во влиятельных политических кругах. Таким образом, уж чем-чем, а вниманием сильного пола она не была обделена. Но близко к себе Божена никого не подпускала. И на это были веские причины.

Брыльска Божена родилась 5 апреля 1962 года. Родителей своих она не знала и с рождения воспитывалась в детском доме. Закончила факультет журналистики и политических наук в Варшавском государственном университете, получив диплом специалиста международных отношений. Еще учась в Университете, она проходила преддипломную практику в МИД на должности секретаря-переводчика, и после окончания ВУЗа ее сразу утвердили на этой должности. Практически сразу один из видных дипломатов министерства стал настойчиво за ней ухаживать, но это ей не понравилось, и

она тактично отшила его, сославшись на чрезмерную занятость. Божена вообще относилась к мужчинам с настороженностью. Она не являлась феминисткой и не была фригидной, но избегала настойчивых и похотливых мужчин, как огня. Это объяснялось травмой, перенесенной ею в возрасте тринадцати лет и изменившей всю ее дальнейшую жизнь. Роковой случай произошел в школе при детском доме №24, в котором она воспитывалась с самого рождения. Второго сентября на урок по математике вошел директор школы и сообщил, что предыдущий учитель отправлен на пенсию, и вместо него приступает к работе пан Григор Василеску.

Молодой преподаватель – румын, высокого роста, худощавый, с темными волосами и карими, слегка навывкате глазами. Он обладал огромным орлиным носом и казалось, что из его больших, словно драконьих, ноздрей, вот-вот вырвется пламя. Лицо было бугристым, лоб и щеки были покрыты морщинами. Высокие, сильно выделяющиеся скулы, кривые зубы, тонкие губы – всё это внушало если не страх, то, как минимум, неприязнь. Но, несмотря на такую отталкивающую на первый взгляд внешность, он был типичным экстравертом: остроумно шутил (хотя часто повторялся в своих шутках), был приветливым, открытым и чересчур общительным. Он сразу как-то странно посмотрел на Божену, что заставило ее тело покрыться мурашками. Успеваемость по математике резко упала с первых же уроков.

Пан Григор постоянно придирался и отчитывал ее. Эта

излишняя придирчивость удивляла и напрягала девочку, и, возвращаясь с занятий, она садилась на кровать, утыкалась лицом в подушку и плакала. Она не могла понять, почему ее, круглую отличницу, так невзлюбил новый учитель. Но как-то раз, после очередного урока, на котором она ни за что получила оценку «три», Божена набралась храбрости, подошла к пану Григору и выпалила:

– Прошу прощения, пан Григор, почему вы относитесь ко мне столь предвзято? Вы же видите мои старания, я лучше всех в классе знаю и алгебру, и геометрию, и, если уж на то пошло, даже физику, хоть это и не ваш предмет, но похвалиться этим не грех, ведь это большая редкость, когда девочки увлекаются точными науками и разбираются в них лучше мальчиков.

Произнеся на одном дыхании эти слова, каждое из которых она репетировала перед зеркалом, юная школьница покраснела и опустила голову.

– Я смотрю, вы, пани Брыльска, еще к тому же и отличный философ! За два предложения сумели затронуть и тему греха, и порассуждать об особенностях мужского и женского мышления. Для тринадцатилетней девочки смело, нельзя этим не восхититься! – сказал он, пристально смотря в глаза Божены, которая при любой возможности старалась отвести свой взгляд. – Но, спешу заметить, что не собираюсь ставить вам “отлично” только потому, что вы – сильный ученик на других уроках. Если хотите подтянуть алгебру и геометрию,

то всегда пожалуйста – есть занятия продленки. Они как раз-таки и существуют, чтобы школьники преуспевали в знаниях и улучшали их качество. А это, в свою очередь, приведет к желаемому результату и нужной оценке. Тетрадь записи на дополнительные занятия на столе. Пожалуйста, записывайтесь на подходящие даты, и вперед.

Что ж, делать было нечего, пришлось ходить на дополнительные занятия. Вот только зачем – Божена не понимала: ведь в своих знаниях она была уверена, а на дополнительных ничего нового не слышала, а просто решала задачи, предлагаемые учителем. Как-то раз, зайдя в класс на очередное занятие, она обратила внимание, что аудитория пуста, и она одна – единственная ученица. Но пуста была не только аудитория, а практически вся школа. По случаю проведения праздничных мероприятий одиннадцатого ноября в честь национального праздника Независимости, практически весь преподавательский состав и ученики были освобождены от занятий и заняты подготовкой к празднованию. Она села на первую парту и терпеливо стала ждать преподавателя. Минут через десять скрипнула дверь, и в класс вошел пан Григор. Его лицо было красным, а глаза сверкали мертвым холодным блеском. Девочку охватило странное предчувствие: нервно задергались веки, и задрожали коленки. Голосом, скованным от нахлынувшего на нее внезапного страха, она поздоровалась:

– Добрый день, пан учитель, с вами все в порядке? У вас

странный взгляд... Резким, почти конвульсивным движением она поднялась из-за парты, оказывая уважение учителю, и дрожащим голосом добавила:

– Если что-то не так, то я готова прийти в следующий раз.

– Все хорошо, Божена, не переживайте, все хорошо, прекрасная, маленькая девочка! – расплылся в большой и дикой улыбке Григор, сверкнув звериным взглядом. После чего щелкнул замок, что говорило о запертой на ключ двери.

Бедная отличница не могла понять, что это значит, что ей делать и куда бежать, ведь бежать было некуда. Он не дал ей никакого шанса, она даже не успела крикнуть, его ладонь с силой сжала ей рот, а из мерзких уст вылетали слова о том, что ей все равно никто не поверит, и чтобы все прошло безболезненно, лучше не сопротивляться. Но она этого не слышала, глаза были наполнены слезами, а разум сковала паника. Божена не помнила, как пришла в комнату, как легла спать, как резала ночью вены, как приехала скорая, и ее увезли и накачали успокоительными. Она, как в бреду, повторяла его имя, срывая голос от крика и теряя сознание. В этот раз он промахнулся – предыдущие жертвы его растления переносили молча эту трагедию и, стыдясь, скрывали свой позор. Но Божена была примерной девочкой с высокими идеалами и очень тонкой натурой, в ее тринадцать лет она была действительно еще ребенком, в отличие от сверстниц, и перенести в себе этот ужас она не смогла. Вначале ей не поверили, но спустя пару дней молодого математика арестовали, пото-

му что из других мест его работы также стали поступать заявления от потерпевших, и в отношении этого недочеловека завели уголовное дело и упекли за решетку. Божене потребовался месяц на реабилитацию и несколько лет на борьбу с чувством страха по отношению к сильному полу. Оставаться наедине с мужчиной она уже не могла, начиналась паника, вплоть до потери сознания.

Но сейчас все в прошлом, всё как во сне. Теплый августовский вечер ласкает ее лицо нежным прохладным ветерком, ее легкие воздушные шажки плавно, словно в полете, вторят пружинистым неуклюжим шагам Виктора. «Да, это он, именно тот, кого я ждала,» – думала Божена. «Нет, она никогда не захочет быть рядом с таким олухом, как я,» – думал Виктор. Но Божена, будто прочитала его мысли, и, чтобы успокоить их, взяла его за руку и сказала:

– Вы можете проводить меня до дома, Виктор! Живу я здесь рядом, так как работаю в самом центре. Поэтому, если не торопитесь к себе в гостиницу, то можем еще полчаса погулять и насладиться этим прекрасным летним вечером.

– С удовольствием, пани Божена! Как я могу отказаться от такого приятного общества! – с нескрываемой радостью, как будто только что сорвал джек-пот, выпалил Виктор. Чем опять заставил рассмеяться свою очаровательную спутницу.

30 июня 1983 года состоялась церемония бракосочетания гражданина Толмацкого Виктора Михайловича и теперь уже

Толмацкой Божены. Здание ЗАГСa на Вилла Пелле, в котором проходила церемония, являлось прекрасным образцом архитектуры неоренессанса и находилось в списке культурных памятников города. Гостей было порядка пятнадцати человек. Конечно же, на свадьбе присутствовала мама Виктора, которая с нескрываемым восхищением смотрела на красавицу невестку, украдкой вытирая слезы. Анатолий приехать не смог: у него буквально на днях родилась дочка, и на торжественное событие в жизни брата у него не было времени. Но Виктора не сильно расстроил факт его отсутствия, ведь он знал, что выпивший брат может испортить любой праздник. Со стороны Виктора присутствовали четыре товарища по работе: его новый помощник, два человека из смежных авиационных наземных служб, с которыми он тесно работал по расширению границ северной части аэропорта, и заместитель руководителя Международного Аэропорта Праги – Йохан Лукаш, являвшийся, пожалуй, самым важным гостем. Он был человек занятой, но, как и обещал, почтил своим присутствием брачную церемонию. Среди гостей Божены были в основном ее подруги детства, однокашницы из института и коллега из МИД Польши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.